

И. Ямпольский

А.К. Толстой

С материнской стороны Алексей Константинович Толстой происходил из рода Разумовских. Последний украинский гетман Кирилл Разумовский был его прадедом, а граф А.К. Разумовский — вельможа и богач, сенатор при Екатерине II и министр народного просвещения при Александре I — дедом.

Мать поэта, ее братья и сестры были побочными детьми Разумовского. В начале XIX века они были узаконены, получив дворянское звание и фамилию Перовские от подмосковного имения Разумовского Перово. Перовские не отличались, таким образом, древностью рода, но близость ко двору и правительственным кругам предопределила характер их воспитания и карьеру. Л.А. Перовский, связанный одно время с декабристами, занимал впоследствии посты министра внутренних дел и министра уделов; В.А. Перовский был оренбургским военным губернатором и чувствовал себя полным хозяином подвластного ему края.

В воспоминаниях двоюродной сестры Толстого сохранились любопытные бытовые черты из жизни его матери. Это была красивая, умная, властная женщина. Об ее причудах ходило в семье много толков. Она «не признавала никаких границ своей воле, чему способствовало ее огромное состояние». Магазины, поставлявшие материи императрице, должны были присылать ей точно такие же.

«Рассказывали, что на каком-то торжестве Анна Алексеевна появилась в шляпе... совершенно одинаковой с шляпой, которая была на императрице. Государь будто бы заметил это и был очень недоволен, что и передали Анне Алексеевне. Тем не менее она и после того заказывала и надевала шляпы и платья, одинаковые с туалетами императрицы».

В 1816 году семнадцатилетняя Анна Алексеевна вышла замуж за графа К.П. Толстого, брата известного скульптора, рисовальщика и гравера Ф.П. Толстого. 24 августа 1817 года в Петербурге родился будущий поэт. Отец, однако, не играл в его жизни никакой роли: родители вскоре после рождения сына разошлись, и мать увезла его в Черниговскую губернию. Там, среди южной украинской природы, в имениях матери, а затем ее брата, Алексея Перовского, он провел свое детство, оставившее, по его собственным словам, одни только светлые воспоминания.

Литературные интересы обнаружились у Толстого очень рано. в автобиографическом письме он сообщает:

«С шестилетнего возраста я начал мараить бумагу и писать стихи — настолько поразили мое воображение некоторые произведения наших лучших поэтов... Я упивался музыкой разнообразных ритмов и старался усвоить их технику».

Алексей Перовский — известный прозаик 1820–30-х годов, печатавший свои произведения под псевдонимом Антоний Погорельский — культивировал в племяннике любовь к искусству и поощрял его первые литературные опыты.

Десяти лет Толстой впервые был с матерью и Перовским за границей. В Веймаре они посетили Гете. Сильное впечатление произвело на Толстого путешествие по Италии в 1831 году. Переезжая из города в город, он любовался все новыми и новыми памятниками искусства, посещал мастерские художников, присутствовал при покупках, которые делал Перовский в антикварных магазинах и у разорявшихся итальянских аристократов. Все это нашло яркое отражение в детском дневнике Толстого.

В 1834 году Толстого определили «студентом» в Московский архив министерства иностранных дел. В обязанности «архивных юношей», принадлежавших к знатым дворянским семьям, входили разбор и описание древних документов. В следующем году

Толстой выдержал при Московском университете экзамен на право получения чина и был «признан достойным на вступление в первый разряд чиновников государственной службы». В начале 1837 года он был назначен в русскую миссию при германском сейме во Франкфурте-на-Майне. Работы было, очевидно, не слишком много: сразу же после назначения он получил трехмесячный отпуск «в разные российские губернии», в октябре 1838 года жил на берегу озера Комо, часть зимы 1838–1839 года провел с матерью в Ливорно и т. д. В декабре 1840 года Толстой перевелся во второе отделение собственной е.и.в. канцелярии, в ведении которого были вопросы законодательства, и прослужил там много лет. В 1843 году он получил придворное звание камер-юнкера.

О жизни и творчестве Толстого в 1830-х и 1840-х годах мы располагаем очень скудными данными. Красивый, приветливый и остроумный молодой человек, одаренный незаурядней памятью и такой физической силой, что он винтом сворачивал кочергу, прекрасно знавший иностранные языки, начитанный, Толстой делил свое время между службой, то и дело прерываемой отпусками, светским обществом и литературой. Светская жизнь, по его собственному признанию, очень привлекала его в молодости. Временами Толстой ускользал от нее, предаваясь страсти к охоте, которая оставалась у него неизменной в течение всей жизни. К 1930-м годам относится его любовь к княжне Елене Мещерской; Толстой хотел жениться на ней, но этому воспротивилась его мать.

Служба и светская жизнь не заглушили литературных интересов Толстого; он относился к литературе глубоко и серьезно. До 1836 года главным его советчиком был А. Перовский (в 1836 году он умер), который показывал стихи молодого поэта своим литературным друзьям, в том числе Жуковскому. Так, в марте 1835 года Перовский сообщил племяннику:

Жуковский «апробует последнюю твою пиесу и велел тебе сказать, что он от роду не говорил В., что “Вершины Альп” нехороши: они, напротив, ему нравятся. Он только сказал ему, что греческие пиесы твои он предпочитает, потому что они доказывают, что ты занимаешься древними».

Сохранилось свидетельство, что первые опыты Толстого были одобрены Пушкиным. Толстой видел однажды Пушкина у Перовского, и тот произвел на него сильное впечатление; на всю жизнь он запомнил заразительный смех великого поэта.

До нас дошла лишь небольшая часть его ранних произведений. Следует отметить, что наряду с «серьезными» стихами в духе романтизма у Толстого уже тогда обнаружилось влечение к юмору.

В конце 1830-х — начале 1840-х годов написаны (на французском языке) два фантастических рассказа — «Семья вурдалака» и «Встреча через триста лет». В мае 1841 года Толстой впервые выступил в печати, издав отдельной книгой, под псевдонимом «Краснорогский» (от названия имения Красный Рог) фантастическую повесть «Упырь».

В 1840-х годах Толстой напечатал очень мало — одно стихотворение и несколько очерков и рассказов. Но уже тогда был задуман исторический роман «Князь Серебряный». Уже тогда Толстой сформировался и как лирик, и как автор баллад. К этому десятилетию относятся многие из его широко известных стихотворений: «Ты знаешь край, где все обильем дышит...», «Колокольчики мои...», «Василий Шибанов», «Курган» и др. Все эти стихотворения были опубликованы, однако, значительно позже. С середины 1840-х годов интерес к поэзии резко упал, основные задачи передовой русской литературы решались преимущественно в прозаических жанрах, стихов печаталось чрезвычайно мало, и Толстой, по-видимому, вполне удовлетворялся небольшим кружком своих слушателей — светских знакомых и приятелей. Идеальные искания передовой русской интеллигенции и горячие споры 40-х годов прошли мимо него.

В 1850 году Толстого прикомандировали к сенатору Давыдову, которому была поручена ревизия Калужской губернии. Поэт прожил в Калуге полгода. Он часто посещал жену губернатора, известную А.О. Смирнову-Россет, приятельницу Гоголя, Пушкина и других русских писателей первой половины XIX века, читал ей свои стихи и главы

из «Князя Серебряного». У Смирновых Толстой более близко сошелся с Гоголем, который познакомил своих калужских друзей с отрывками из второго тома «Мертвых душ».

В начале 1850-х годов «родился» Козьма Прутков. Это не простой псевдоним, а созданная Толстым и его двоюродными братьями Алексеем и Владимиром Жемчужниковыми сатирическая маска тупого и самовлюбленного бюрократа николаевской эпохи. От имени Козьмы Пруткова они писали в самых различных жанрах: и стихи (басни, эпиграммы, пародии), и пьески, и афоризмы, и исторические анекдоты, высмеивая в них явления окружающей действительности и литературы. В основе их искреннего, веселого смеха лежали неоформленные оппозиционные настроения, желание как-то преодолеть гнет и скуку мрачных лет николаевской реакции. Прутковским произведениям соответствовал и в жизни целый ряд озорных проделок, которые имели тот же смысл. Рассказывали, например, о том, как один из «опекунов» Пруткова объездил ночью в мундире флигель-адъютанта главных петербургских архитекторов, сообщив им, что провалился Исаакиевский собор, и приказав от имени государя явиться утром во дворец, и как был раздражен, узнав об этом, Николай I. В другой раз кто-то из них в театре нарочно наступил на ногу некоему высокопоставленному лицу и потом являлся к нему в каждый приемный день извиняться, пока тот не выгнал его. И много еще подобных рассказов ходило о Толстом и Жемчужниковых.

В январе 1851 года была поставлена комедия Толстого и Алексея Жемчужникова «Фантазия», впоследствии включенная в собрание сочинений Козьмы Пруткова. Это пародия на господствовавший еще на русской сцене пустой, бессодержательный водевиль. Присутствовавший на спектакле Николай I остался очень недоволен пьесой и приказал снять ее с репертуара.

В ту же зиму 1850–1851 года Толстой встретился с женой конногвардейского полковника Софьей Андреевной Миллер, урожденной Бахметевой, и влюбился в нее. Они сошлись, но браку их препятствовали, с одной стороны, муж Софьи Андреевны, не дававший ей развода, а с другой — мать Толстого, недоброжелательно относившаяся к ней. Только в 1863 году брак их был официально оформлен. Софья Андреевна была образованной женщиной; она знала несколько иностранных языков, играла на рояле, пела и обладала, по-видимому, незаурядным эстетическим вкусом. Толстой не раз называл ее своим лучшим и самым строгим критиком и прислушивался к ее советам. К Софье Андреевне обращена вся его любовная лирика начиная с 1851 года.

Толстой постепенно приобретал более широкие литературные связи. В начале 50-х годов поэт сблизился с Тургеневым, которому помог освободиться из ссылки в деревню за напечатанный им некролог Гоголя, затем познакомился с Некрасовым и кругом «Современника». В 1854 году, после большого перерыва, Толстой снова выступил в печати. В «Современнике» появилось несколько его стихотворений и первая серия прутковских вещей.

В годы Крымской войны Толстой сначала хотел организовать партизанский отряд на случай высадки на балтийском побережье английского десанта, а затем, в 1855 году, поступил майором в стрелковый полк. Но на войне поэту побывать не пришлось: во время стоянки полка под Одессой он заболел тифом. После окончания войны, в день коронации Александра II, Толстой был назначен флигель-адъютантом.

Вторая половина 1850-х годов — время оживления общественной мысли и общественного движения в России после краха николаевского режима. Это время большой поэтической продуктивности Толстого. «Ты не знаешь, какой гром рифм грохочет во мне, какие волны поэзии бушуют во мне и просятся на волю», — писал он жене. В эти годы написано около двух третей всех его лирических стихотворений. Поэт печатал их во всех толстых журналах.

Вместе с тем это время характеризуется все более углубляющейся общественной дифференциацией. И уже в 1857 году наступило охлаждение между Толстым и редакцией «Современника». «Я тебе признаюсь, что я не буду доволен, если ты познакомишься

с Некрасовым. Наши пути разные», – читаем в одном из писем к жене. После этого стихи его в «Современнике» больше не появлялись. Одновременно произошло сближение со славянофилами, которым особенно импонировал интерес Толстого к русской истории и народному творчеству. Толстой стал постоянным сотрудником «Русской беседы» и подружился с И.С. Аксаковым. Но через несколько лет обнаружилось существенные расхождения. Толстой отрезал от своих симпатий к славянофилам и не раз высмеивал их претензии на представительство подлинных интересов русского народа.

Толстой часто бывал при дворе — и не только на официальных приемах. Однако служебные обязанности (одно время он был также делопроизводителем комитета о раскольниках) становились все более неприятны ему. Когда курьер из дворца приезжал к поэту с извещением об очередном дежурстве, он открыто выражал свое неудовольствие. В письмах к жене Толстой много раз повторял то, о чем говорится в стихотворной шутке, выражавшей, по его собственным словам, его «всегдашнюю мысль»:

Исполнен вечным идеалом,
Я не служить рожден, а петь!
Не дай мне, Феб, быть генералом,
Не дай безвинно поглупеть!

Еще при назначении флигель-адъютантом Толстой сделал попытку отказаться, но безуспешно. Лишь в 1859 году ему удалось добиться бессрочного отпуска, а в 1861 году — отставки. Толстой писал Александру II, что уже давно отдался бы своему призванию, если бы «не насиловал себя из чувства долга», считаясь со своими родными, которые придерживались других взглядов.

«Служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей натуре... Я думал... что мне удастся победить в себе натуру художника, но опыт показал, что я напрасно боролся с ней. Служба и искусство несовместимы».

Добившись отставки, Толстой поселился в деревне. Он жил то в своем имении Пустыньке, под Петербургом, то — чем дальше, тем все больше — в далеком от столицы Красном Роге (Черниговская губерния). В Петербург поэт только изредка наезжал.

Бывая во дворце, он не раз пользовался тем единственно доступным для него средством — «говорить во что бы то ни стало правду», о котором писал Александру II. В частности, Толстой неоднократно защищал от репрессий и преследований писателей. Еще в середине 1850-х годов он активно участвовал в хлопотах о возвращении из ссылки Тараса Шевченко. Летом 1862 года он вступился за И. Аксакова, которому было запрещено редактировать газету «День», в 1863 году — за Тургенева, привлеченного к делу о лицах, обвиняемых в сношениях с «лондонскими пропагандистами», то есть Герценом и Огаревым, в 1864 году предпринял попытку смягчить судьбу Чернышевского. На вопрос Александра II, что делается в литературе, он ответил, что «русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского». Александр II не дал ему договорить. «Прошу тебя, Толстой, *никогда* не напоминать мне о Чернышевском». Произошла размолвка, и никаких результатов, на которые надеялся поэт, разговор этот не принес. Однако в обстановке все более сгущавшейся реакции, когда и многие либералы высказывали полное удовлетворение расправой с Чернышевским, это был акт несомненного гражданского мужества. Конечно, Толстой не чувствовал никаких симпатий к взглядам Чернышевского. Но он был возмущен самими методами расправы, недопустимыми, с его точки зрения, даже по отношению к врагу.

Несмотря на близость Толстого ко двору и давнее — с детских лет — знакомство с поэтом, Александр II никогда не считал его вполне своим человеком. Еще в 1858 году, когда учреждался негласный комитет по делам печати, он отверг предложение министра народного просвещения Ковалевского включить в него писателей — Тютчева, Тургенева и др. «Что твои литераторы, ни на одного из них нельзя положиться», — с раздражением сказал он. Ковалевский, по свидетельству современника, «просил назначить хоть из при-

дворных, но из людей, по крайней мере известных любовью к словесности: кн. Николая Орлова, графа Алексея Конст. Толстого и флигель-адъютанта Ник. Як. Ростовцева, и получил самый резкий отказ».

Этот эпизод хорошо характеризует восприятие личности Толстого в высших сферах. Человек отзывчивый, благородный и прямой, он непримиримо относился ко всякой подлости, был независим в своих суждениях и поведении, органически чужд духу приспособленчества, угодливости и карьеризма. Толстому нельзя было приказывать или даже намекнуть, чтобы он сделал то, что противоречит его взглядам. Такой ли человек нужен был для органа надзора за печатью и литературой?

Вместе с тем в 1860-е годы Толстой подчеркнуто держался в стороне от литературной жизни, встречаясь и переписываясь лишь с немногими писателями — И. Гончаровым, К. Павловой, А. Фетом, Б. Маркевичем. В связи с обострением общественной борьбы поэт, подобно многим своим современникам — Фету, Льву Толстому, все чаще противопоставлял актуальным социально-политическим вопросам и вообще истории вечные начала стихийной жизни природы. Он писал Маркевичу:

«Петухи поют так, будто они обязаны по контракту с неустойкой. ...Зажглись огоньки в деревне, которую видно по ту сторону озера. Все это — хорошо, это я люблю, я мог бы так прожить всю жизнь... Черт побери и Наполеона III, и даже Наполеона I! Если Париж стоит обедни, то Красный Рог со своими лесами и медведями стоит всех Наполеонов... Я бы легко согласился не знать о том, что творится в нашем *seculum* <столетии>... Остается истинное, вечное, абсолютное, не зависящее ни от какого столетия, ни от какого веяния, ни от каких *fashion* <мод>, — и вот этому-то я всецело отдаюсь».

Печатался Толстой преимущественно в реакционном журнале Каткова «Русский вестник», а с конца 1860-х годов — одновременно в «Русском вестнике» и в либеральном «Вестнике Европы» Стасюлевича, несмотря на их враждебные отношения и постоянную полемику. Но ни на один из них Толстой не смотрел как на свой журнал, близкий ему по своим взглядам и симпатиям.

В начале 1860-х годов Толстой напечатал «драматическую поэму» «Дон Жуан» и роман «Князь Серебряный», а затем написал одну за другой три пьесы, составившие драматическую трилогию: «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис» (1862–1869).

Во второй половине 1860-х годов Толстой вернулся к балладе и создал ряд превосходных образцов этого жанра; лирика занимает теперь в его творчестве гораздо меньше места, чем в 50-х годах. В конце 60-х и 70-х годах написана и большая часть его сатир.

Судя по сохранившимся сведениям, Толстой был гуманным помещиком. Так, и после реформы 1861 года он разрешал краснорогским крестьянам пасти скот на своих лугах, давал им лес и пр. Но своими имениями сам поэт никогда не занимался. И в пореформенных условиях хозяйство велось хаотично, патриархальными методами. Практичный Фет, передавая в своих воспоминаниях впечатления от посещения Красного Рога в 1869 году, писал:

«Нас всех везла прекрасная четверка. По страсти к лошадям я спросил графа о цене левой пристяжной.— “Этого я совершенно не знаю, — был ответ, — так как хозяйством решительно не занимаюсь...” Там, где леса разбегались широкими сенокосами, я изумлялся обилию стогов сена. На это мне пояснили, что сено накаплиют в продолжение двух-трех лет, а затем (кто бы поверил?), за неимением места для склада, старые стога сжигают. Этого хозяйственного приема толстого господина, проживавшего в одном из больших флигелей усадьбы, которого я иногда встречал за графским столом в качестве главного управляющего, я и тогда не понимал и до сих пор не понимаю».

Жил Толстой широко. Его материальные дела постепенно приходили в расстройство. Еще в 1862 году он продал удельному ведомству имение в Саратовской губернии, а затем и некоторые другие, продавал леса на сруб, выдавал векселя. Особенно ощутимо стало разорение к концу 60-х годов. Поэт говорил своим близким, что не в состоянии жить

так, как жил до сих пор, и принужден будет просить Александра II снова взять его на службу. Все это очень тяготило его и нередко выводило из себя. Этим объясняется в известной степени раздражительный тон многих его писем последних лет, некоторые неожиданные в его устах высказывания.

Толстой чувствовал себя социально одиноким и называл себя «анахоретом» (письмо к Стасюлевичу от 22 декабря 1869 года). Это социальное самочувствие усиливалось причинами личного характера — разорением, болезнью. Глубокой тоской веет от одного из его писем 1869 года:

«Если бы перед моим рождением господь бог сказал мне: “Граф! выбирайте народ, среди которого вы хотите родиться!” — я бы ответил ему: “Ваше величество, везде, где вам будет угодно, но только не в России!” И когда я думаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов., мне хочется броситься на землю и кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам богом!»

Горькие слова Толстого перекликаются со словами Пушкина:

«Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!»

Эти слова Толстого (как и слова Пушкина) вызваны, разумеется, прежде всего глубоким недовольством социально-политическими условиями русской жизни.

С середины 1860-х годов здоровье Толстого пошатнулось. Он стал жестоко страдать от астмы, грудной жабы, невралгии, сопровождавшейся мучительными головными болями. Ежегодно он ездил за границу лечиться, но это помогало лишь ненадолго. Умер Толстой 28 сентября 1875 года в Красном Роге, впрыснув слишком большую дозу морфия.